

Чи Чунцяо погрузился в роль, и, когда он молчал, он уже на 50-60% соответствовал атмосфере Шан Тана.

Гэ Фан Юй смотрел на него несколько секунд: «Неплохо, действительно похож на Шан Тана. Интересно, как он будет играть на съемках».

Он потер руки и решил подойти к Чи Чунцяо, чтобы познакомиться. Только он встал, как высокий мужчина у гримерки повернул голову и громко сказал: «Брат Сюй, ты телефон уронил!»

Как только он заговорил, от Шан Тана не осталось и следа.

Гэ Фан Юй: «...»Такой хороший парень, жаль, что умеет говорить.

Хань Сюй, глава группы реквизита, который нес искусственное тело, быстро обернулся и действительно увидел свой телефон на земле. Он улыбнулся Чи Чунцяо и поднял телефон.

Гэ Фан Юй посмотрел некоторое время и подумал, что этот парень, кажется, легко сходится с людьми. Он внутренне вздохнул с облегчением.

Если актерская игра не на высоте, это можно исправить, но если характер плохой, то это уже проблема.

Чи Чунцяо заметил Гэ Фан Юя и сразу подошел: «Доброе утро, учитель Гэ, я Чи Чунцяо, играю...»

Гэ Фан Юй усмехнулся: «Зови меня братом, 'учитель' звучит странно. Я знаю, ты играешь Шан Тана. У нас сегодня три сцены вместе, пока учитель Янь не приехала, давай потренируемся».

Он был прямолинеен, и Чи Чунцяо отбросил манеры, которые использовал с медиа. Они обнялись и пошли в сторону, чтобы потренироваться.

Фу Цзиншэнь: «?» Кто только что был полон сомнений?

Янь Цинбо скоро приехала. Она выглядела не очень хорошо, но, увидев Чи Чунцяо и Гэ Фан Юя, все же дружелюбно поздоровалась.

Гэ Фан Юй, прямолинейный как медведь, стоял рядом с Чи Чунцяо, и, увидев Янь Цинбо, они хором поздоровались: «Доброе утро, учитель Янь».

Янь Цинбо не смогла сдержать улыбку, и ее настроение, испорченное плохим самочувствием, улучшилось.

Когда она вошла в гримерку, Чи Чунцяо наклонил голову: «Брат Фан, почему ты нервничаешь больше меня?»

Гэ Фан Юй жестикулировал: «Богиня, понимаешь?»

Чи Чунцяо кивнул: «Понимаю!»

Первая сцена после начала съемок была между Гэ Фан Юем и Янь Цинбо. Чи Чунцяо отложил сценарий и встал рядом с Фу Цзиншэнем, наблюдая за их игрой.

Янь Цинбо играла женщину-полицейского Чэнь Сюйлин, одного из интеллектуальных центров сериала, а Гэ Фан Юй играл главного героя, судмедэксперта Цао Гу, который отвечал за все технические объяснения, как внутри, так и вне своей специализации — настоящая ходячая энциклопедия.

Первая сцена была диалогом между Чэнь Сюйлин и Цао Гу. Действие происходило в коридоре, и напряженный диалог сопровождался быстрыми шагами, что хорошо задавало тон съемочной группе. Этот эпизод был быстрым и требовал от актеров хорошей эмоциональной отдачи.

Однако для актеров уровня Янь Цинбо и Гэ Фан Юя эмоциональная отдача была базовым навыком.

Чи Чунцяо, просто наблюдая со стороны, мог почувствовать подавляющую атмосферу, как будто вот-вот грянет буря. Даже в упрощенных условиях съемок ощущение надвигающегося взрыва не ослабевало.

Это были два главных актера "Невидимого преступления". В отличие от исторической драмы "Мать Мира", которая не предъявляла высоких требований, этот сериал, от костюмов и грима до актеров, был на высшем уровне.

Чи Чунцяо мягко перебирал страницы сценария. Ему уже хотелось спуститься и сыграть с Гэ Фан Юем, но его сцены были позже, поэтому он мог только терпеливо стоять за спиной Фу Цзиншэня.

Фу Цзиншэнь перестал улыбаться, как только начались съемки. Независимо от того, насколько блестяще играли актеры за кадром, он с каменным лицом смотрел на маленький экран перед собой.

Если результат съемок не соответствовал ожиданиям, Фу Цзиншэнь требовал переснять сцену, иногда до десяти раз, пока он не был удовлетворен.

Фу Цзиншэнь был режиссером, который казался легкомысленным, но в профессиональном плане был строгим и требовательным.

Эта сцена быстро закончилась, и Янь Цинбо с Гэ Фан Юем, получив одобрение, разошлись готовиться к следующей сцене.

Чи Чунцяо взял сценарий и сел на маленький складной стул рядом с Фу Цзиншэнем. Он решил прилипнуть к режиссеру.

Фу Цзиншэнь, выйдя из рабочего состояния, взял чашку с водой и, обернувшись, увидел Чи Чунцяо, который смотрел на него с ожиданием. Он вздрогнул: «Что ты делаешь?»

Чи Чунцяо обнял сценарий: «Смотрю, как они играют».

Фу Цзиншэнь: «...Ты мог бы предупредить, прежде чем сесть здесь?»

Чи Чунцяо: «Предупреждаю».

Фу Цзиншэнь: «Я бы хотел, чтобы младший господин Лу сейчас же забрал тебя обратно». Ты сокровище младшего господина Лу, и ты этим гордишься, да?

.....

Поскольку в первый день снимали сцены с главными актерами, и все они были профессионалами, большинство дублей проходили с первого раза, поэтому скоро настала очередь первой сцены Чи Чунцяо.

Янь Цинбо нужно было поправить грим, поэтому съемочная группа сделала перерыв на несколько минут. Гэ Фан Юй, закончив съемки, обернулся и увидел, как Чи Чунцяо сидит на маленьком складном стуле, держа сценарий и серьезно разговаривая с Фу Цзиншэнем.

Гэ Фан Юй: Он нервничает, точно нервничает. Подумал он и понял, что это естественно. У парня мало опыта, он сыграл только одну роль, а теперь ему предстоит играть с таким мастером, как Янь Цинбо. Кто бы не нервничал?

У Гэ Фан Юя был племянник примерно того же возраста, что и Чи Чунцяо, поэтому, видя молодых людей за двадцать, он невольно начинал чувствовать себя старшим. Обнаружив, что Чи Чунцяо "нервничает", он сразу начал беспокоиться.

«Давай, глубоко вдохни».

С сердцем, полным заботы, Гэ Фан Юй подошел к Чи Чунцяо.

Чи Чунцяо посмотрел на него с недоумением: «А?»

Гэ Фан Юй: «Ты ведь скоро будешь снимать первую сцену с учителем Янь, я боюсь, что ты нервничаешь. Давай, расслабься, глубоко вдохни».

Чи Чунцяо отмахнулся: «Я не нервничаю, я совершенно спокоен. Брат Фан, не мешай, мне нужно идти».

Гэ Фан Юй схватил его и настаивал на психологической поддержке: «Учитель Янь еще поправляет грим, садись. Я тебе скажу, не нервничай. Наш режиссер Фу хоть и строгий, но к новичкам относится снисходительно. Просто играй, как обычно. Эта сцена довольно спокойная, конфликтов мало, и учитель Янь не будет слишком давить...»

Чи Чунцяо, когда был пьян, любил "лечить" других своими речами, и этим методом он побеждал всех пьяниц. Он никак не ожидал, что сегодня сам станет объектом таких речей.

Его усадили на табуретку, и он с безнадежным видом слушал болтовню Гэ Фан Юя.

Янь Цинбо, закончив с гримом, увидела эту парочку: один настаивал на разговоре, другой опустил голову и не хотел слушать. Янь Цинбо рассмеялась — она знала Гэ Фан Юя, он был одним из ведущих актеров, который любил опекать младших, и его доброты было слишком много. Сейчас он, вероятно, настаивал на психологической поддержке Чи Чунцяо.

Чи Чунцяо, увидев ее, сразу посмотрел с мольбой о помощи.

Янь Цинбо подошла: «Сяо Гэ, что ты делаешь? Не мни одежду Чунцяо, иначе режиссер Фу будет ругаться».

Вспомнив, как строг Фу Цзиншэнь, Гэ Фан Юй вздрогнул и сразу отпустил.

Чи Чунцяо быстро отошел от Гэ Фан Юя: «Вот именно!»

Он поправил одежду и подошел к подготовленной сцене.

Когда все актеры для этой сцены собрались, Фу Цзиншэнь, закончив сигарету, вернулся на свое режиссерское место, ожидая, пока актеры займут свои позиции.

Гэ Фан Юй, полный беспокойства, сидел на табуретке Чи Чунцяо и бормотал: «Старик Фу, я тебе говорю, Чунцяо — новичок, ты не должен быть к нему слишком строгим, будь

снисходительнее. Если он где-то сыграет не так, ты должен ему спокойно объяснить, не ругайся. Современные дети очень ранимые...»

Фу Цзиншэнь, которого он достал, сказал: «Я правда хочу тебя придушить». Лучше бы Чи Чунцяо сидел за ним, по крайней мере, он молчал.

Гэ Фан Юй возмутился.

Фу Цзиншэнь указал на него: «Давай поспорим. Спорим, что эта сцена Чунцяо и Цинбо пройдет с первого дубля».

Гэ Фан Юй: «Спорим, я ставлю на то, что не пройдет. Ты проиграешь, вторая половина этой сцены сложная, если ты не снизишь стандарты, жди NG».

Фу Цзиншэнь: «Я ставлю на то, что пройдет», — он громко сказал: «Все группы, готовы? Камера, мотор!»

Сцена Чи Чунцяо была о том, как полицейские пришли к нему с вопросами. В целом она была довольно спокойной, чтобы актеры могли войти в роль. Но, как и сказал Гэ Фан Юй, вторая половина сцены с отдельными кадрами была сложной для исполнения.

В кадре

«Жертва — семнадцатилетняя девушка. Кто-то видел, что накануне убийства она была у вас дома. Вы помните, что вы делали в тот вечер?»

Янь Цинбо, играющая полицейского Чэнь Сюйлин, сидела напротив Шан Тана и мягко задавала вопросы.

Молодой сотрудник полиции в тонких очках серьезно записывал.

Шан Тан слегка нахмурился, как будто вспоминая ту сцену: «Она пришла, чтобы помочь Нянь Нянь играть на пианино... Возможно, она осталась на полчаса, а потом ушла».

Чэнь Сюйлин кивнула: «Вы заметили что-то необычное в ее поведении? Например, была ли она более агрессивной или подавленной, чем обычно?»

Шан Тан покачал головой: «Нет, все казалось нормальным».

Молодой сотрудник усердно записывал.

Чэнь Сюйлин задала еще несколько вопросов, все время незаметно наблюдая за выражением лица Шан Тана, но его реакция была безупречной, как у обычного человека, шокированного смертью соседа. Чэнь Сюйлин не нашла ничего подозрительного и только тогда встала, чтобы уйти.

За кадром Гэ Фан Юй и Фу Цзиншэнь одновременно напряглись — вторая половина сцены была сольной для Чи Чунцяо, без слов, и без внутреннего монолога на заднем плане. Все зависело от выражения лица и движений Чи Чунцяо.

Это была самая сложная часть сцены.

В кадре

Шан Тан проводил их до двери, и, когда звук сирены полностью исчез, он мягко закрыл дверь. Он прошел несколько шагов к вазе на столе, сел и некоторое время внимательно смотрел на нее. Затем он взял изящные ножницы.

Шан Тан полуопустил ресницы. У него была прекрасная внешность, уголки глаз и губ были полны чувств. С этим непревзойденным лицом он аккуратно срезал едва распустившийся бутон.

Это вызывало странное ощущение мурашек по коже.

«Стоп!»

Гэ Фан Юй за кадром почувствовал мурашки по коже и наконец осознал глубокий замысел сценариста — неудивительно, что они искали молодого актера с приятной внешностью. Извращенец с изысканными манерами должен быть красивым, чем красивее, тем лучше.

Фу Цзиншэнь остановил съемку, но Чи Чунцяо остался сидеть на диване, вместе с Янь Цинбо ожидая решения режиссера оставить этот дубль или нет.

Фу Цзиншэнь, подперев подбородок, пересмотрел сцену и махнул рукой: «Хорошо, принято!»

Чи Чунцяо сразу расслабился. Утром у него была только эта сцена, а две сцены на вечер были запланированы на позднее время, так что у него было много свободного времени. Сейчас он хотел предупредить Фу Цзиншэня, что уходит пораньше, чтобы поесть с Лу Юйчжоу.

Фу Цзиншэнь махнул рукой, отпуская его. Когда Чи Чунцяо ушел, он повернулся к Гэ Фан Юю: «Тебе не больно? Новичок? Не будь слишком строгим?»

Гэ Фан Юй оцепенел: «Извините, у меня нет зрения, я виноват».

Через несколько минут Гэ Фан Юй вскрикнул: «Этот злодей просто потрясающий!»

Фу Цзиншэнь вздрогнул: «Ты с ума сошел? Не сиди за мной, убирайся отсюда».

...

Чи Чунцяо достал телефон и позвонил Лу Юйчжоу: «Ты закончил собрание? Я сейчас еду?»

Лу Юйчжоу: «Я рядом, в переулке Лю, дела еще не закончены, я не могу уйти. Я заказал тебе еду, не ходи никуда».

Чи Чунцяо немного расстроился: «Ладно, тогда я подожду».

Чи Чунцяо вернулся на съемочную площадку, вытащил складной стул и сел на балконе.

Чжун Инь сидел рядом с Чи Чунцяо: «Брат Цяо, что будем делать?»

Чи Чунцяо медленно просматривал сценарий: «Ждем еду».

Они сидели недолго, когда несколько ассистентов Янь Цинбо вдруг выбежали наружу и вскоре вернулись с большими пакетами, приведя с собой мужчину.

Мужчина шел быстро, Чи Чунцяо мельком взглянул на его лицо и почувствовал, что оно кажется знакомым, но не мог вспомнить, где он его видел.

Через несколько минут Гэ Фан Юй, закончив съемки, тоже подошел с табуреткой. Он нес большой пакет и, подойдя к ним, достал сладости и фрукты, чтобы поделиться.

Чи Чунцяо взял кусочек и понюхал, сладкий аромат ударил в нос: «Кондитерская 'Сладкий рай', их продукты довольно дорогие. Это кто-то из съемочной группы принес?» Когда учитель Янь присоединилась к группе, такого не было.

Гэ Фан Юй: «Нет, это муж учителя Янь принес. Он не из нашей индустрии, приехал навестить ее».

Чжун Инь с завистью сказал: «У них такие хорошие отношения, он приехал в первый же день съемок».

Чи Чунцяо съел кусочек фрукта: «Вкус собачьего корма такой сладкий».

Он думал о еде, которую заказал Лу Юйчжоу, попробовал немного и аккуратно убрал.

Гэ Фан Юй уже проголодался и быстро съел сэндвич: «Да. Учитель Янь и ее муж очень любят друг друга. Нам, одиноким, остается только завидовать, но хотя бы есть что поесть. Эй, Чунцяо, у тебя есть девушка?»

Чи Чунцяо покачал головой: «Нет». Он был еще более жалким, чем Гэ Фан Юй — он был одиноким две жизни!

Гэ Фан Юй с сочувствием сказал: «Бедный мальчик, такой красивый, и никому не нужен. Ничего, я с тобой, мне уже тридцать пять, а я все еще одинок. Медиа даже не хотят меня снимать».

Чи Чунцяо почувствовал грусть — кто хотел бы быть тридцатилетним холостяком, как Гэ Фан Юй?

Гэ Фан Юй умел утешать себя и начал долгий монолог о преимуществах холостяцкой жизни.

Чи Чунцяо, хотя и слушал, но ни одно слово не доходило до его мозга.

Чжун Инь отодвинулся: «Боже, кто-то может говорить больше, чем пьяный брат Цяо».

В ключевой момент еда от Лу Юйчжоу прибыла.

Хотя это была еда на вынос, ее привез не курьер — шесть или семь человек с термоконтейнерами шумно подошли к входу на съемочную площадку. Лидер группы позвонил Чи Чунцяо, и тот узнал, что Лу Юйчжоу заказал еду для всей группы.

Чжун Инь, держа коробку с логотипом переулка Лю, дрожал: «Не думал, что в этой жизни смогу попробовать еду из такого ресторана».

Чи Чунцяо не стал с ним шутить, а взял телефон и пошел разговаривать с Лу Юйчжоу.

Гэ Фан Юй, прерванный на полуслове, был в шоке: «Это...»

Чжун Инь, жуя ребрышко, пробормотал: «Это от господина Лу. На этот раз я воспользовался удачей Цяо». Чтобы заказать еду для одного Цяо, он просто заказал для всей группы. Господин Лу действительно настоящий босс.

Гэ Фан Юй с завистью: «...А как насчет нашего обещания быть холостяками до тридцати? Кто эта госпожа Лу? Какая-нибудь красотка с длинными ногами?»

Может, и мне такую богатую девушку найти?

Ред.Neils март 2025года

<http://bllate.org/book/13818/1219543>